

Р. М. Нагдян <https://orcid.org/0000-0003-3520-3038>

Метафизическое единство трансцендентальной психологии и квантовой механики. Часть 1

Для цитирования: Нагдян Р. М. Метафизическое единство трансцендентальной психологии и квантовой механики // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 3 (120). С. 87-99. DOI 10.20323/1813-145X-2021-3-120-87-99

С начала XXI в. наблюдается процесс интенсивного встречного сближения и взаимопроникновения двух, казалось бы, противостоящих друг другу наук – квантовой механики и психологии. В связи с этим возникает вопрос об общем для этих наук методологическом фундаменте. В статье показано, что таковым может служить «первая философия» Аристотеля. В контексте метафизической триады «необходимое – возможное – действительное» выявляются «точки пересечения» трансцендентальной психологии А. И. Миракяна и интерпретации квантовой механики А. Ю. Севальникова.

В статье рассматриваются особенности формирования нового направления современной психологии, изучающего проблему порождения психических феноменов. При этом проводится сравнение с трансцендентализмом Декарта, в котором выявляются его ограниченность и незавершенность. Показывается, что как в трансцендентальной психологии, так и в квантовой механике (В. Гейзенберг) возникают эпистемологические проблемы, связанные с невозможностью применения языка их классических предшественников. В обеих науках возникает необходимость применения нового языка, нового образа мышления и новой логики понимания исследуемых явлений. Все это позволяет сделать вывод, что и в трансцендентальной психологии и в квантовой механике исследователи имеют дело с новой онтологией реальности, отличающейся от реальности, изучаемой в классической физике и в феноменологии классической психологии.

В статье обосновывается, что основной методологической причиной, ограничивающей возможности проведения теоретических исследований более глубоких слоев реальности, является применение продуктного (физикального) подхода. Продуктный подход основан на языке, которым описывается наблюдаемая реальность. Появилась необходимость разделения реальности на наблюдаемую и ненаблюдаемую. На языке метафизики модальностей это переводится как «бытие в возможности» и «бытие в действительности». Одной из «точек пересечения» квантовой механики и трансцендентальной психологии является категория возможности, выражающая сущность реальности, которую стремятся описать и объяснить обе сравниваемые в данной статье дисциплины.

Ключевые слова: единство, трансцендентальная психология, квантовая механика, метафизика, наблюдаемая реальность, ненаблюдаемая реальность, возможное, действительное.

R. M. Nagdyan

Metaphysical unity of transcendental psychology and quantum mechanics. Part 1

Since the beginning of the XXI century, there has been a process of intense convergence and interpenetration of two seemingly opposing sciences – quantum mechanics and psychology. In accordance with it, the question arises about a common methodological foundation for these sciences. The article shows that the «first philosophy» of Aristotle can serve as a general philosophical methodology for these sciences. In the context of the metaphysical triad necessary-possible-real, the «intersection points» of A. I. Mirakyan's transcendental psychology and A. Yu. Sevalnikov's interpretation of quantum mechanics.

The article examines the features of the formation of a new direction in modern psychology, which studies the problem of mental phenomena generation. At the same time, a comparison is made with the transcendentalism of Descartes, in which its limitations and incompleteness are revealed. It is shown that both in transcendental psychology and in quantum mechanics (W. Heisenberg) epistemological problems arise associated with the impossibility of using the language of their classical predecessors. In both sciences, it becomes necessary to apply a new language, a new way of thinking and a new logic of understanding the phenomena under study. All this allows us to conclude that both in transcendental psychology and in quantum mechanics, researchers are dealing with a new ontology of reality that differs from the reality studied in classical physics and in the phenomenology of classical psychology.

The article substantiates that the main methodological reason limiting the possibilities of carrying out theoretical studies of deeper layers of reality is the use of the product (physical) approach. The product approach is based on the language used to describe the observed reality. It became necessary to divide reality into observable and unobservable. In the language of metaphysics of modalities, this is translated as «being in possibility» and «being in reality». One of the «intersection points» of quantum mechanics and transcendental psychology is the category of possibility, in which the essence of reality is expressed, which both disciplines compared in this article seek to describe and explain.

Keywords: unity, transcendental psychology, quantum mechanics, metaphysics, observable reality, unobservable reality, possible, real.

С начала XXI в. наблюдается процесс интенсивного встречного сближения и взаимопроникновения двух, казалось бы, противостоящих друг другу наук – квантовой механики и психологии. Однако история этого процесса не нова и начинается с момента зарождения квантовой механики (КМ), когда при проведении экспериментов с элементарными частицами физиками было замечено влияние наблюдателя на результаты исследования. Это привело к тому, что в интерпретации КМ пришлось ввести фактор сознания наблюдателя как составного компонента эксперимента. Почти в то же время (20-30-е гг. прошлого столетия) психологи начали проводить аналогии между психикой и «поведением» атомных частиц. Среди этих психологов одним из первых был К. Г. Юнг, который в течение многих лет переписывался и, по существу, сотрудничал с физиком-теоретиком, лауреатом нобелевской премии В. Паули, автором пионерских фундаментальных исследований по квантовой механике. По поводу сближения квантовой физики и психологии К. Г. Юнг писал: «...эта необычайная встреча атомной физики с психологией имеет для последней неоценимое преимущество, потому что она доносит до нас предчувствие возможности какой-то архимедовой точки для психологии. Ведь микрофизический мир атома обнаруживает черты, чье родство с психическим бросается в глаза даже физика. Здесь выявляется, очевидно, по крайней мере, в виде намека, возможность “реконструкции” психического процесса в совершенно другой среде, а именно в среде микрофизики материала» [Юнг, 1995, с. 300]. То есть уже тогда К. Г. Юнг предполагал, что изучение реальности квантовых явлений может оказать положительное влияние на исследование и понимание психики.

В современной российской психологии интерес к проблеме взаимовлияния психологии и КМ начал возрастать лишь за последние два десятилетия [Нагдян, 2010; Пальчик, 2007; Петренко, 2013; Петренко, 2014; Петренко, 2017; Прыгин, 2018; Супрун, 2010 и др.]

Если допустить, что квантовые и психические явления имеют какие-то точки соприкосновения, то возникает вопрос: что есть между ними обще-

го? С точки зрения возможности их познания как природных явлений, в первую очередь, бросаются в глаза необычные особенности как квантовых, так и психических явлений. Так, в КМ в рамки «здорового смысла» не укладывается то, что элементарные частицы, в зависимости от средств измерения (наблюдения), могут проявлять себя либо как частицы, либо как волны (дуальный характер элементарных частиц, принцип дополнительности Бора); до измерения частица может находиться в разных состояниях одновременно (принцип суперпозиции состояний); невозможно в один и тот же момент измерить импульс и координату, время и энергию частицы и т. д. (принцип неопределенности Гейзенберга). А в психологии необычным является, например, то, что, изучая количественное и качественное многообразие психических явлений, мы не можем сформулировать определение самой психики; опираясь на психические феномены и соответствующие им понятия как на исходные данные анализа, мы не можем исследовать принципы их порождения; или – что представляют собой психические феномены сущностно и субстанционально (в чем принцип их существования, из чего они «состоят») и т. д. Такое положение дел, естественно, порождает вопрос, озвученный Н. Lenk при комментировании парадоксальности квантовых явлений [Lenk, 1995, р. 202-203]: «Не является ли изумление при встрече с квантовой механикой прототипом нашего *принципиального* “непонимания”?» [Цит. по: Севальников, 2009, с. 69]. Эти слова можно отнести и к психологии. Однако дело не только в том, что ученые с разных сторон подходят к границам своих возможностей познания глубинных слоев реальности, которые, может быть, составляют основу мироздания. А дело еще и в том, что, предпринимая попытки исследовать глубинные области реальности, ученые, с одной стороны, выявляют сложность ее организации, с другой – обнаруживают закономерности, общие для возникновения физических (квантово-механических) и психических явлений, что указывает на целостность и единство глубинных ненаблюдаемых уровней мира.

Как будет показано ниже, общей философской методологией для проведения подобных исследований может служить «первая философия» Аристотеля – традиционная метафизика. Это предположение основано на том, что в наших исследованиях по трансцендентальной психологии (ТП) было показано: для понимания онтологической сущности психической реальности необходим переход к метафизической форме рассуждений, трансцендированной от дискурса на феноменологическом уровне [Нагдян, 2017; Нагдян, 2018]. С другой стороны, аналогичный переход был осуществлен и в физике, что было показано как самими физиками, так и философами, занимающимися вопросами философии физики [Владимиров, 2009; Захаров, 2010; Захаров, 2017; Менский, 2005; Севальников, 2009; Севальников, 2017 и др.]

Перед тем как провести этот сравнительный анализ, приведем несколько дефиниций метафизики для определения исходной позиции анализа. По Аристотелю, предмет исследований «первой философии» «...составляют начала и высшие принципы... которые ... должны быть началами и принципами некоторой существующей реальности... согласно ее собственной природе» [Антология..., 1969, с. 412]. Для сравнения приведем также определения двух современных философов:

– А. Г. Дугин: «Метафизика, в наиболее полном и всеобъемлющем понимании этого слова, есть абсолютное непреходящее видение всех аспектов реальности с позиций первоначала, первопринципа» [Дугин, 1989, с. 17].

– М. К. Мамардашвили: «Я имею в виду метафизику в старом смысле, как совокупность утверждений (или теорию), учение обо всем, что носит сверхопытный, сверхфизический характер» [Мамардашвили, 1996, с. 67].

Следует иметь в виду, что, несмотря на небольшие различия, эти определения метафизики дополняют друг друга. Важнейшей особенностью метафизики является то, что она «с неизбежностью должна быть самодостаточной, поскольку это единственный вид знания, который не может быть основан ни на чем ином, кроме самого себя, уже в силу того обстоятельства, что метафизика является знанием универсальных принципов, из которых выводится все остальное, включая среди всего прочего и то, с чем имеют дело самые разные науки» [Генон, 2000, с. 112]. Это определение Рене Генона уже указывает на то, что физика и психология могут иметь общие метафизические корни, а физические и психические явления в своем происхождении, вероятно, подчиняются одним и тем же принципам. Поэтому возникает проблема конкретизации этих общих онтологических и эпи-

стемологических аспектов психологии и КМ. С этой целью предварительно укажем на причины возникновения ТП и на некоторые философские выводы, связанные с ее становлением.

В. А. Мазиллов, анализируя состояние методологии в современной психологии, выделяет четыре класса психологических проблем: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-психологические [Мазиллов, 2007, с. 6]. Полностью соглашаясь с приведенной классификацией, отметим, что упущен из виду еще один, важный для психологии, класс проблем. Это проблемы, связанные с порождением психического. И действительно, ни в одной из методологий советской и постсоветской психологии не ставился вопрос о разработке проблемы порождения психического, потому что психология изначально рассматривалась как наука о *проявлениях* разных форм психической реальности в виде отдельных феноменов, процессов и состояний. Поэтому изучались лишь особенности их проявлений, изменений, развития, взаимодействия, взаимовлияния и т. д., но не ставился вопрос о том, как они *возникли*. Хотя необходимо отметить, что отдельные психологи (сейчас мы не имеем в виду А. И. Миракяна и представителей школы трансцендентальной психологии) обратили внимание на эту проблему: А. В. Карпов [Карпов, 2007], В. И. Слободчиков [Слободчиков, 2014] (о В. И. Слободчикове будет сказано ниже – в другом месте текста). Так, А. В. Карпов также указывает на важность проблемы порождения: «Естественно, – пишет он, – что наиболее сложным и главным исследовательским вопросом является проблема того, *как* именно это происходит, как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть *основной вопрос* психологии, и она пока не готова дать на него удовлетворительный ответ. Однако *сам факт* порождения и, соответственно, – существования субъективной реальности именно как своего рода «удвоенной» объективной реальности имеет место и не вызывает сомнений» [Карпов, 2007, с. 19]. Оценивая явление порождения как фундаментальный факт, А. В. Карпов отмечает, что он (этот факт), тем не менее, часто принимается просто как данность и «не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских задач» [Карпов, 2007, с. 19]. А. В. Карпов не объясняет, почему психология пока не может дать удовлетворительного ответа на вопрос о порождении субъективной реальности. Но можно предположить: поиск того, что скрывается за психическим феноменом,

обязательно приведет к возникновению следующих вопросов:

1. Какова природа реальности, приводящая к порождению психических феноменов?

2. Каким образом можно познать эту ненаблюдаемую реальность, если она полностью скрыта от нашего сознания под маской психических феноменов?

Очевидно, что, используя методы наблюдения и экспериментального исследования, на эти вопросы невозможно ответить, так как они (эти вопросы) выходят за пределы чувственного познания. Их решение возможно при помощи метафизических построений, к осуществлению которых современная психология еще не готова. Это видно из того, что в цитируемой статье А. В. Карпов, обращаясь к проблеме порождения субъективной реальности, не делает ссылок на более ранние исследования А. И. Миракяна [Миракян, 1999; Миракян, 2004] и его последователей [А. И. Миракян и современная..., 2010; Принципы..., 1992; Психология восприятия..., 2020], в которых раскрывается содержание методологии изучения проблемы порождения психических феноменов и исследуются принципы порождающего процесса. Таким образом, в психологии была поставлена проблема разграничения психического явления и порождающей его реальности, которую и предстояло исследовать. Однако более общая задача состояла в прямо противоположном, а именно в том, чтобы создать концепцию, способную дать понимание порождающей реальности как начала или истока становления психического феномена, то есть в их синтезе, единстве. Таковую возможность пока что имеет только традиционная метафизика – философское знание о том, что может быть за пределами как физики, так и психологии, в каждой из которых существует проблема исследования отношений между порождающим и порожденным. И кроме того, именно с этой глубоко-удаленной философской позиции можно обнаружить то общее, что объединяет психологию и физику.

Интересно отметить, что приведенные выше рассуждения о необходимости привлечения метафизики для изучения психического применимы и к физике.

Похожие мысли излагал Пьер Дюгем, известный французский физик и философ, еще в начале прошлого столетия (1906 год). Свою книгу «Физическая теория: ее цель и строение» автор начинает с определения понятия «объяснение физического явления», которое формулирует следующим образом: «...объяснить (*explicare*) значит обнажать *реальность* от ее *явлений*, что обволакивают

ее каким-то флером, чтобы видеть эту реальность обнаженной и лицом к лицу» [Дюгем, 2007, с. 9]. Анализ цели физической теории с такой точки зрения приводит ученого к выводу, что «если физические теории имеют предметом своим объяснение экспериментальных законов, то теоретическая физика не автономна, а она подчинена метафизике» [Дюгем, 2007, с. 12-13]. Более того, в той же работе П. Дюгем убедительно показывает, что содержание объяснения одного и того же физического явления меняется в зависимости от выбранной исследователем определенной метафизической системы, лежащей в основании данного объяснения [Дюгем, 2007, с. 13-17]. Однако относительный характер этого факта приводит П. Дюгема к выводу, что «ни одна метафизическая система недостаточна как основа физической теории», формулировкой которой автор озаглавил один из разделов цитируемой книги.

В антиметафизической современной психологии «дорога в метафизику» была открыта А. И. Миракяном после того, как он показал ограниченность существующих в то время (последняя четверть прошлого столетия) методологий в решении вопроса об исследовании принципов психического отражения – ощущений, непосредственно-чувственного восприятия. Философско-исторический анализ исходных теоретических и экспериментальных предпосылок изучения психического отражения позволил А. И. Миракяну выявить общую для них причину, ограничивающую их возможности изучения общих, универсальных принципов полимодального и полифункционального психического отражения [Миракян, 1990]. Для всех этих исследователей (философов, психологов, психофизиологов и кибернетиков) оставалось незамеченным то, что при теоретико-экспериментальном исследовании закономерностей психического отражения они исходили из результатов уже свершившегося акта отражения. Но, как показал анализ исторического опыта изучения процессов отражения, проведенный А. И. Миракяном, реконструкция закономерностей порождающего процесса восприятия из полученных результатов невозможна, потому что, как известно, «в продукте деятельность процесса угасает» [Гегель, 1972, с. 180], совершенно меняя форму своего существования.

При таком подходе (реконструкции) не могли быть выявлены и изучены принципы процесса, которые обеспечили бы полифункциональность, гибкость, вариативность, одним словом, всю полноту естественного процесса восприятия, необходимые и реализуемые человеком и животными для обеспечения эффективного функционирования

ния в изменяющихся условиях окружающей среды. А вместо этого изучались процессы и закономерности, относящиеся лишь к заранее выбранному в качестве предмета исследования феномену или отношениям между феноменами, что было необходимо, в первую очередь, для решения практических задач. И если для остальных наук, и классической экспериментальной физики в том числе, опора на продукты психического отражения была оправдывающим себя условием изучения закономерностей явлений природы, то для изучения самого процесса отражения как процесса, порождающего психические феномены восприятия, такой подход (физикальный, продуктный) является неправомерным и методологически ошибочным.

Однако методология – это следствие существующей в психологии парадигмы, то есть видения картины мира или способа мышления, основанного на общепринятых в данное время и в данном сообществе ученых постулатах об устройстве мира, являющихся фундаментом для дальнейших научных теоретических и экспериментальных исследований. Поэтому вполне закономерно, что предложенные в новой парадигме А. И. Миракяном афизикальные (не опирающиеся непосредственно на феномены восприятия, на данные эмпирического опыта) принципы процесса отражения относятся к своеобразной, может быть, непривычной картине мира (об этом подробнее будет сказано ниже). Важно отметить и то, что до исследований А. И. Миракяна ни один академический психолог на Западе или в России не начинал построение своей концепции с описания онтологических особенностей устройства мира, в котором эволюция могла бы привести к возникновению психического, именно потому, что это уже само по себе является метафизической задачей. А решение подобных задач изначально исключалось из круга исследований психологов, так как известно, что психология стала самостоятельной наукой, подражая классической физике (Вебер, Фехнер, Гельмгольц, Вундт), на почве философии позитивизма, отрицающего всякую метафизику. Поэтому указанная выше ограниченность продуктного подхода, вектор исследований которого начинается с наблюдаемых феноменов, поставила А. И. Миракяна перед необходимостью изменить его (направление вектора) на противоположный, то есть – от ненаблюдаемых причин (возможностей, потенциалов, предрасположенностей, предпосылок, принципов) порождения к психическим феноменам и их разнообразию, что и является областью исследований трансцендентальной психологии. Но преодоление этого пути определя-

ет необходимость решения онтологических (в аристотелевском понимании) проблем, то есть к созданию метафизических построений. Следовательно, изучение «до-продуктных» (трансцендентальных) принципов порождения непосредственно связано с использованием метафизического способа мышления, осуществленного А. И. Миракяном в имплицитной форме, содержание которого в дальнейшем было раскрыто в наших исследованиях [Нагдян, 2017; Нагдян, 2018].

Таким образом, подход, предложенный А. И. Миракяном для решения трансцендентальной проблемы, по сути, противоположен физикальному, используемому в естественных науках, относительно которых исследования, проведенные в рамках гносеологического соотношения «объект-субъект», не приводят к противоречиям. Вышесказанное, однако, требует более детального анализа предпосылок применения трансцендентального (метафизического) образа мышления.

Трансцендентальное рассмотрение явлений психики и сознания, по А. И. Миракяну, «заключается в том, что по возможности максимально исключается эмпирический способ мышления... и таким образом осуществляется выход за пределы данностей мышления и сознания [Миракян, 1981; цит. по: Нагдян, 2018, с. 345]. Такая трактовка трансцендентального позволяла А. И. Миракяну, во-первых, провести сравнительный анализ своего (афизикального) образа мышления с образом мышления Р. Декарта, который также отрицал эмпиризм как методологическую основу поиска закономерностей мышления и познания, и во-вторых, раскрыть содержание афизики (беспродуктного подхода) в контексте ТП.

А. И. Миракян, в частности, указывает, что для Декарта понимание каких-либо вещей или их свойств является эмпирическим тогда, когда берется одно и определяется через отношение к другому. Однако, согласно Декарту, это неправильный образ мышления, «так как в данном случае суть или свойство вещи определяется не через саму вещь, а через отношение» [цит. по: Нагдян, 2018, с. 346]. В качестве одной из таких вещей, сущность которой определяется через саму себя, у Декарта выступает «идея», присутствующая в первой части его знаменитого выражения: «Я мыслю...». «Идея» у Декарта берется как осознаваемый акт мышления, но так как «идея» не может быть дана эмпирически, он предпочитает говорить о «врожденных идеях» и, таким образом, выходит за пределы эмпирического мышления в область доопытных или трансцендентальных (метафизи-

ческих) понятий. В связи с этим Миракян задается вопросом: относительно чего осуществляется этот выход в афизике, то есть в ТП? Ответ лежит прямо на поверхности: «Как во времена Декарта эмпирический опыт отрицался относительно физики Ньютона (при объяснении физических явлений по П. Дюгему. – Р. Н.), так же и сейчас нужно отрицать физикальный (эмпирический) способ мышления относительно психических явлений» [цит. по: Нагдян, 2018, с. 348], что и является для А. И. Миракяна сутью афизики. То есть афизика, или ТП, «отрицает возможность изучения психических явлений через продукты уже законченных процессов отражения, через данность сознания» [цит. по: Нагдян, 2018, с. 349]. Кроме того, автор указывает на важный для понимания сущности продуктного подхода аспект, а именно на то, что идея у Декарта – это все же эмпирический продукт мышления, следовательно, он тоже опирается на эмпирию через данность этой идеи сознанию, через осознание идеи вещи [цит. по: Нагдян, 2018, с. 349]. Поэтому А. И. Миракян приходит к выводу: «Если Декарт был трансценденталистом, то мы должны быть еще более трансценденталистами, так как, изучая психические явления, мы должны быть еще более строгими в своих исходных основаниях и исключать данность не только физического, но и психического в уже отраженной форме, в форме образа, понятия, идеи и т. п. Разве это не есть трансцендентальный подход к рассмотрению психики?» [цит. по: Нагдян, 2018, с. 349].

Однако возникает вопрос: чем же заменить «идею» Декарта для объяснения процесса психического отражения? Как можно объяснить возможность психического отражения? И пожалуй, самый главный вопрос: «Откуда мы берем эти закономерности? Разве другие психологи не искали закономерности отражения? Чем же мы отличаемся от них?» [цит. по: Нагдян, 2018, с. 350]. Кстати, вопрос о том, «откуда мы берем закономерности», был загадкой и для Декарта: как могут возникнуть идеи, если у меня ничего (эмпирического) нет? Как известно, в качестве исходных оснований для решения этой «загадки всех загадок» Декарт оставил «врожденные идеи» или «свет ума». Но этот способ решения, несмотря на свою трансцендентность, оказался неверным, потому что исключал вопрос *возникновения* самой идеи как продукта мыслительного процесса, данного сознанию в готовом, завершённом виде. Поэтому приведенный сравнительный анализ способов мышления Декарта и Миракяна поучителен тем, что даже в случае применения трансцендентального образа мышления трудно

избавиться от продуктных оснований анализа. То есть, пользуясь терминологией И. Канта, можно сказать, что применение относящихся к действительности *априорных знаний* при исследовании принципов порождающего процесса восприятия опять приведет к продуктному подходу со свойствами ему ограничениями. Следовательно, с позиций трансцендентальной психологии трансцендентализм Декарта можно считать непоследовательным и незавершённым.

Дальнейший ход рассуждений А. И. Миракяна таков: поскольку само отражение является процессом, который материален по своей природе (как продукт эволюционного развития материи), то закономерности порождения следует искать *не в субъекте, не в его мышлении*, как это делает традиционная психология, а в материи, в фундаментальных данных о пространственно-временных свойствах материального мира, в общеприродных принципах, лежащих в основе порождения «иног» (другого), и психического отражения в том числе [цит. по: Нагдян, 2018, с. 351], что, в частности, было показано нами на примере принципа симметрии [Нагдян, 2005; Нагдян, 2019]. «В данном контексте, – обобщает Миракян, – мы рассматриваем психическое как трансцендентное, а за основу берем материю, ее развитие...» [цит. по: Нагдян, 2018, с. 351], что позволяет говорить о трансцендентальном материализме. То есть это «философско-методологически-трансцендентальный материализм, а для изучения психики – трансцендентальная психология» [цит. по: Нагдян, 2018, с. 352]. И далее А. И. Миракян для сравнения напоминает, что все материалисты рассматривали психику как результат воздействия на органы чувств. Но это гносеологический подход (вспомним хорошо известное выражение: «субъективный образ объективного мира»), в котором объект и субъект уже разделены и являются продуктами психического отражения. А, как уже было указано выше, ни теоретические, ни экспериментальные исследования, проведенные в рамках соотношения «объект – субъект», не могут привести к выявлению онтологических принципов порождения психических явлений. Таким образом, ТП решает вопрос того, как возникает образ предмета, когда он воспринимается впервые, если не было опыта его восприятия, не было идеи этого предмета. В то же время А. И. Миракян, совершенно справедливо, принимает мысль о том, что полностью освободиться от продуктного подхода, от данностей человеческого мышления и сознания невозможно, «поскольку должен сохраниться тот минимум познания, на который мы опираемся, своеобразный

философский “минимум познания”, с точки зрения которого мы и рассматриваем процесс порождения психического (идеального)» [цит. по: Нагдян, 2018, с. 351].

Из приведенного выше анализа становится ясно, что бесплодный афизикальный подход А. И. Миракяна наполняется новым философским содержанием – трансцендентализмом, что обусловлено отрицанием возможности применения эмпирических данных при поиске принципов порождения психических феноменов и переходом в другую, метафизическую, область исследования более глубокой ненаблюдаемой реальности.

Характеризуя общие черты этой реальности, А. И. Миракян пишет: «По отношению к еще не свершившемуся акту отражения (еще не реализованной возможности отражения) принимаемое нами бесконечно многообразие материальных форм материи предстает в нерасчлененном, однородном виде, как некоторая гомогенность или глобальность. Понятие глобальности здесь вводится для того, чтобы дать представление о неотраженности и указать на ограниченность возможностей отражения в отношении того, что отражается. *Объекты и их свойства как психические формы по логике процесса отражения как формопорождения еще только должны становиться, образоваться, то есть порождаться в процессе отражения* (выделено нами. – Р. Н.), который можно трактовать как процесс упорядочивания глобальности, направленный в целом на самосохранение формы и адекватности функционирования живой системы в окружающей среде» [Миракян, 1992, с. 39-40]. Из приведенной цитаты можно сделать несколько важных выводов, влияющих на наши представления о мире. Во-первых, в реальности, относящейся к области «еще нереализованной возможности отражения», то есть в реальности, существующей до отражения, нет объектов с их свойствами, а есть материальные формы, составляющие нерасчлененную глобальность; то есть об объектах и их свойствах не имеет смысла говорить до завершения процесса отражения. Во-вторых, объекты и их свойства появляются как продукты процесса формопорождения, то есть уже как психические явления, показывая этим, что реальность, воспринимаемая человеком, есть не что иное, как порожденные им же самим образы, ощущения, представления и т. д. В-третьих, заметим, что речь идет не об отражении, а о формопорождении, чем подчеркивается мысль о порождении нового иного, не имеющего сходства (аналога, копии, подобия и, тем более, тождества) с «отражаемым», тем самым снимая вопрос об адекватности психического отражения действительности.

Таким образом, основателем ТП эксплицитно описываются две совершенно разные реальности: ненаблюдаемая реальность, в которой существуют условия, предпосылки и возможности осуществления процесса психического отражения и порождения «иного» – психических феноменов, и наблюдаемая реальность как данность нашего сознания, выраженная совокупностью полимодальных психических феноменов. Эти реальности автор характеризует, соответственно, как «реальность отсутствующего» и «реальность присутствующего». Следовательно, из сказанного выше следует, что в ТП речь идет о полионтичной картине мира с двумя трансцендентными друг относительно друга реальностями, которые в понятиях метафизики Аристотеля обозначены как «бытие в возможности» и «бытие в действительности», введенные в тезаурус ТП В. И. Пановым (Панов В. И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов : дис. ... д-ра психол. наук. Москва, 1996). В этом контексте предмет ТП – теоретический поиск и анализ принципов, «способных» осуществить переход из метафизической реальности «бытия в возможности» в феноменологическую реальность «бытия в действительности», то есть то, что можно назвать онтологией процесса порождения психических феноменов восприятия. Поэтому психологию можно представить как состоящую из двух частей. Первую, глубинную, часть А. И. Миракян обозначил как «наука психики» (по аналогии с гегелевской «наукой логики»), и она должна была заниматься изучением принципов и закономерностей процесса порождения психических феноменов – метафизическая часть познания психического. Другая часть психологического знания – «наука о психике» или собственно «психология» – занимается изучением принципов и закономерностей изменений, преобразований, развития и образования отношений между непосредственно доступными наблюдению и эмпирическому исследованию психическими феноменами.

Приведенная выше структура психологического знания очень созвучна с рассуждениями В. И. Слободчикова: «Лет 20 тому назад, – пишет автор, – я предложил свое различие, по крайней мере, двух систем психологического знания – “психология психики” и “психология человека”. Первая, как я уже говорил, – это наука о естественном, органическом процессе в живой природе, но главное – это наука о процессе становления той или иной психической формы. Вторая – это наука об уже ставших, случившихся, уже присутствующих психических формах в нашем сознании и “живущих по своим законам”».

И потому эта наука – наука психологии – оформилась и существует как феноменология, как логос о феноменах психического» [Слободчиков, 2014, с. 224]. Однако еще раз отметим, что традиционная психология для выявления универсальных принципов порождения и функционирования психического исходит из уже ставшей (по терминологии В. И. Слободчикова) феноменологии, что неизбежно приводит к ограничениям продуктного подхода.

«Наука психики» изначально строится теоретически. Это видно и на примере трансцендентальной психологии восприятия: интуитивно выбранные гипотетические метафизические постулаты служили платформой для создания теории, которая давала возможность опосредованной экспериментальной проверки ее положений и, следовательно, исходных метафизических постулатов.

Теперь перейдем к анализу общих моментов в ТП и КМ.

Одной из особенностей науки является то, что она имеет дело с наблюдаемой реальностью, объекты которой поддаются измерению, вычислению и экспериментированию. Это было свойственно как классической ньютоновской физике, так и всей психологии, развивающейся в объектно-субъектной парадигме. Положение в обеих науках изменилось при переходе к исследованию ненаблюдаемых реальностей. В физике это случилось раньше, чем в психологии, – в начале XX в., когда зарождалась квантовая механика (Планк, Эйнштейн, Бор, Гейзенберг и др.), а в психологии – в 80-е гг. прошлого столетия при основании А. И. Миракяном ТП. Возникший в обеих науках парадигмальный кризис имел несколько особенностей. Во-первых, язык классической науки, как в физике, так и в психологии, оказался совершенно непригодным для описания закономерностей более глубокой реальности. Во-вторых, преодоление языкового барьера требовало обладания новым способом мышления, обозначенного нами как трансцендентальный идеал рациональности [Нагдян, 2018; Нагдян, 2020], дополняющий классификацию типов научной рациональности В. С. Степина [Степин, 2009].

Выдающийся физик В. Гейзенберг, один из создателей КМ, писал: «Копенгагенская интерпретация квантовой теории начинается с парадокса. Она исходит, с одной стороны, из положения, что мы должны описывать эксперимент в понятиях классической физики, а с другой – из признания, что эти понятия не точно соответствуют природе (свойствам элементарных частиц. – Р. Н.). Противоречивость этих исходных положений обуслов-

ливает статистический характер квантовой теории» [Гейзенберг, 1963, с. 35].

То же самое выявил А. И. Миракян в психологии, ведь «продуктный» подход, о чем уже было сказано выше, и побуждает находиться и рассуждать в системе понятий классической психологии, что делает невозможным изучение принципов и закономерностей порождения психического отражения. Поиски выхода из тупика, создаваемого продуктным подходом традиционной психологии, привели А. И. Миракяна к следующей мысли: «В качестве исходных надо брать такие данности (понятия, принципы, закономерности и т. д.), которые индифферентны, независимы относительно реальности психического отражения и связаны с природными закономерностями возможности порождения психики как явления, возникшего на определенной ступени развития материи. Это позволяет нам ставить проблему психического отражения как *проблему возможности порождения явления психического отражения и изучать принципы, закономерности, лежащие в основе его процессов, когда исходные данности можно брать не из области исходной психической реальности*» [Миракян, 1992, с. 35]. Уточним в несколько иной форме: реальность, противостоящая или трансцендентная «исходной психической реальности», есть реальность, в которой существуют «*возможности порождения явлений психического отражения*», а язык описания исходной психической реальности должен принципиально отличаться от языка реальности «бытия в возможностях».

Что касается аналогичной ситуации в КМ, то В. Гейзенберг не находит выхода из сложившейся ситуации по той причине, что для него «...понятия классической физики... образуют важнейшую составную часть языка, являющегося предпосылкой всего естествознания...». И далее: «Для описания эксперимента мы фактически используем или должны использовать классические понятия. Иначе мы не поймем друг друга» [Гейзенберг, 1963, с. 35]. О неадекватности привычного для физиков языка, возникающей при описании квантовых явлений, говорил и Н. Бор. В своих воспоминаниях В. Гейзенберг пишет: «Бор подчеркивал снова и снова, что человеческий язык явно недостаточен для описания внутриаомных процессов, коль скоро речь идет об области опыта, совершенно лишенной непосредственной наглядности» [Гейзенберг, 1987, с. 40]. Эти сложности, связанные с применением языка классической физики для описания квантовой реальности, естественным образом привели исследователей к компромиссным решениям: жертвуя принципом де-

терминизма, они перешли к поиску и выявлению фундаментальных вероятностных закономерностей и средств описания квантовой реальности, таких как волновая функция и волновое уравнение Шредингера, соотношение неопределенностей Гейзенберга, принцип дополнительности Бора и т. д.

Напомним, что с такими же трудностями в преодолении инерции обыденного языка или языка классической психологии столкнулись и А. И. Миракян, и его последователи при создании ТП, когда было необходимо составить представление о ненаблюдаемой безобъектной реальности «бытия в возможности». На это указывает характер дискуссий и обсуждений проблем психического отражения (А. И. Миракян проводил их в руководимой им лаборатории с психологами и философами), которые воспроизведены в виде документальных стенограмм в его книгах «Контуры трансцендентальной психологии» [Миракян, 1999; Миракян, 2004] (см. также: [Трансцендентальная психология... , 2019а; Трансцендентальная психология... , 2019б]). Из этих стенограмм видно, с каким трудом психологи (или философы) усваивали логику нового образа мышления. Глубинная причина подобного «парадигмального» ограничения мышления состоит в том, что для своего самосохранения человек должен обладать способностью эффективного функционирования в окружающей среде. Необходимым условием этого является порождение психикой образов предметного мира и, тем самым, выделение объектов среды и отношений между ними. Поэтому логика языка и мышления человека формировалась на основе закономерностей упорядочивания выделенных из среды объектов, данных сознанию в форме соответствующих им порожденных образов и понятий. Следовательно, понятия и логика классической физики и традиционной (академической) психологии одинаково соответствуют особенностям наблюдаемых и осознаваемых объектов внешнего (и внутреннего) мира человека. Это и определяет ограничивающий характер продуктного подхода при исследовании глубинных и ненаблюдаемых *пред-физических* и *пред-психических* со-бытий реальности. Поэтому В. Д. Захаров совершенно прав, отмечая, что «ненаблюдаемая онтология основана на отрицании предметного знания, то есть для нее нет индивидуальных объектов познания: она есть одна нерасчлененная сущность. Этими двумя свойствами – цельность и непознаваемость (предметным знанием) – обладает развиваемая сейчас квантовая онтология, называемая *онтологией возможностей*» [Захаров, 2017, с. 63]. Слова Захарова, от-

носящиеся к КМ, в полной мере применимы и к ТП, так как и она основана на онтологии возможностей, отрицающей предметное (продуктное) знание о реальности наблюдаемого действительного.

Об особенностях языка описания квантовой реальности В. Гейзенберг пишет: «... Всякое высказывание о том, что на самом деле происходит или произошло, является высказыванием, использующим понятия классической физики. Оно по самой своей природе вследствие законов термодинамики и соотношения неопределенностей оказывается неполным в отношении тех деталей атомных процессов, о которых в данном случае идет речь. Требование, что следует описывать и то, что в квантово-механическом процессе происходит в промежутке между двумя следующими друг за другом наблюдениями, является *contradictio in adjecto* (противоречие в определении. – Р. Н.), так как слово “описывать” имеет отношение только к применению классических понятий, тогда как эти понятия не могут быть применены в промежутках между двумя наблюдениями. Они могут применяться только в момент наблюдения» [Гейзенберг, 1963, с. 116]. То есть В. Гейзенберг утверждает, что понятия, которыми описываются результаты наблюдения, не могут быть использованы для описания того, что есть и что происходит с квантовыми частицами до их наблюдения. Этим одновременно затрагиваются другие важные вопросы: что собой представляют элементарные «частицы» «сами по себе» и можно ли сказать что-либо определенное о свойствах квантовой «частицы» до наблюдения? Оказывается, что нет – невозможно. В качестве доказательства В. Гейзенберг предлагает провести мысленный эксперимент. Приведем его полностью: «Возвращаясь снова к низшему уровню языка, к высказываниям об объектах и тем самым к квантовой логике, поясним характерное отличие этой логики от обычной следующим примером: представим себе атом, движущийся в закрытом ящике, разделенном перегородкой пополам. Пусть в перегородке имеется очень маленькая дырка и атом временами может пролетать через нее. По классической логике атом может находиться либо в левой, либо в правой половине ящика. Третьей возможности не существует: *tertium non datur*. В квантовой теории, если мы вообще хотим продолжать пользоваться словами «атом» и «ящик», необходимо допустить и иные возможности, странным образом являющие собой смешение первых двух возможностей. Это требуется для объяснения результатов определенных опытов. Допустим, мы наблюдаем свет, рассеянный ато-

мом, и проводим три испытания. В первом опыте атом заключен в левой половине ящика (дырка в перегородке закрыта) и мы измеряем распределение интенсивности рассеянного света. Во втором опыте атом заключен в правой половине ящика и снова изучается рассеянный им свет. В третьем опыте мы опять-таки исследуем распределение интенсивности рассеянного света при условии, что атом может свободно перемещаться из одной половины ящика в другую и обратно. И вот, если бы атом находился всегда либо в левой, либо в правой половине ящика, распределение интенсивности в третьем опыте необходимо складывалось бы из наложения соответствующих распределений первого и второго опытов, а общая картина определялась бы только временем, которое атом проводит в одной из половин. Эксперименты, однако, показывают, что это, вообще говоря, неверно. Реальное распределение интенсивности, как правило, оказывается иным в силу так называемой интерференции вероятностей, играющей важную роль в квантовой теории... В разобранный только что третьем случае налицо ситуация, характеризующаяся тем типом высказываний, который был назван дополнительным по отношению к типу альтернативных высказываний» [Гейзенберг, 1987, с. 221].

Следовательно, в ситуации, когда частица находится в состоянии такой суперпозиции, мы сталкиваемся фактически с нарушением логического принципа *tertium non datur*. В новой квантовой логике «вместо этой аксиомы выдвигается, согласно Вейцеккеру, следующий постулат: в случае простой альтернативы отмеченного типа высказыванию приписывается определенная истинность, которую можно охарактеризовать двумя комплексными числами. Здесь, разумеется, неуместно входить в детали; отметим лишь, что эти числа позволяют образовать третье, именуемое значением истинности; оно равно 1, если высказывание верно, и 0, если оно ложно. Допустимы, однако, и промежуточные значения, например значение $1/2$, когда высказывание с равной вероятностью может оказаться как истинным, так и ложным. Существуют, следовательно, промежуточные ситуации, для которых остается неопределенным, ложно или истинно высказывание» [Гейзенберг, 1987, с. 219]. И здесь нам важно отметить, что для Гейзенберга слова «остается неопределенным» ни в коем случае нельзя понимать просто в смысле незнания истинного положения дел. Высказывание с промежуточным значением истинности нельзя, стало быть, истолковывать так, что-де «в действительности» истинно либо одно, либо другое альтернативное высказывание, и не-

известно лишь, какое из них считать таковым. Высказывание с промежуточным значением истинности скорее уж вовсе не поддается выражению на обыденном языке. Вейцеккер называет такое высказывание дополнительным по отношению к простым альтернативным высказываниям» [Гейзенберг, 1987, с. 219]. Этим примером В. Гейзенберг показывает не только то, что понятия классической физики теряют свой смысл при описании явлений квантовой реальности, то есть того, что они представляют «сами по себе», но и то, что объяснение квантовых явлений не подчиняется аксиомам классической (формальной) или аристотелевской логики. А это приводит, согласно Гейзенбергу, к тому, что «модифицирование логики квантовой теории неизбежно влечет за собой модификацию онтологии» [Гейзенберг, 1987, с. 221].

Из вышесказанного следует, что, несмотря на принципиальное различие объектов исследования (материя и психика), А. И. Миракян в точности повторяет ход рассуждений и философские выводы В. Гейзенберга. Ведь и в ТП было показано, что при исследовании психического отражения в качестве исходных надо брать такие понятия, которые индифферентны, независимы относительно реальности продуктов психического отражения и связаны с природными закономерностями *возможности* порождения психических феноменов. При этом, если феномены психического отражения относятся к той онтологии, в пределах которой развивалась традиционная психология, то *возможности* порождения этих же феноменов относятся уже к другой реальности с другой онтологией, которую невозможно описать понятиями и категориями современной теоретической психологии. Одновременно заметим, что понятие «возможность» оказалось ключевым и для теоретиков квантовой физики. Раскрывая сущность новой онтологии, идея которой с необходимостью возникает из анализа мысленного эксперимента В. Гейзенберга (аналог парадокса «кота Шредингера»), автор пишет: «Ведь всякому высказыванию, которое оставляет неопределенным, в правой или в левой половине ящика находится атом, соответствует в природе некая ситуация, не отождествимая ни с той, когда атом находится в левой половине, ни с той, когда атом находится в правой половине ящика. Такие... состояния Вейцеккер назвал сосуществующими состояниями, указывая тем самым, что оба альтернативных состояния присутствуют в них в качестве возможностей. Понятие состояния могло бы стать первой дефиницией в системе квантово-теоретической онтологии. Мы сразу же замечаем, что подобное использование слова “состояние”, тем более выражения

“сосуществующие состояния”, столь радикально отличается от принятого в языке материалистической онтологии, что позволительно усомниться в целесообразности используемой здесь терминологии. С другой стороны, если мы понимаем, что слово “состояние” означает скорее возможность, чем действительность, и что его можно просто заменить словом “возможность”, получается вполне приемлемое понятие “сосуществующие возможности” – ведь одна возможность может пересекаться с другой или включать ее в себя.

Отсюда видно, что понятие возможности, игравшее столь существенную роль в философии Аристотеля, в современной физике вновь выдвинулось на центральное место» [Гейзенберг, 1987, с. 222]. Центральным это понятие стало и для трансцендентальной психологии. Следовательно, эта наука не о психических феноменах и даже не о самой психике, а о *возможности* порождения феноменов или, в более общем случае, – психики. Интересно отметить, и это вызывает удивление, что об отношении *возможности* к становлению субъективной реальности писал и В. Гейзенберг: «Понятие “возможность” довольно-таки удачно занимает промежуточное положение между понятием объективной материальной реальности, с одной стороны, и понятием духовной, а потому субъективной реальности – с другой» [Гейзенберг, 1987, с. 222]. Именно эта идея стала методологическим принципом и предметом исследований ТП, но надо признать, что к этой идее А. И. Миракян пришел вполне самостоятельно, после долгих лет размышлений над проблемами психического отражения, в итоге приведших его к созданию методологии и теории ТП.

Библиографический список

1. «А. И. Миракян и современная психология восприятия»: сборник материалов научной конференции. Москва : УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. 580 с.
2. Антология мировой философии : в 4 т. Т 1. Ч 1. Москва : Мысль, 1969. 576 с.
3. Аристотель. Об истолковании // Сочинения : в 4 т. Москва : Наука, 1978. Т. 2. С. 112.
4. Владимиров Ю. С. Между физикой и метафизикой. Кн. 1. Москва : Книжный дом «Либероком», 2009. 380 с.
5. Гегель Г. Наука логики : в 3-х т. Т. 3. Москва : Мысль, 1972. 371 с.
6. Гейзенберг В. Физика и философия. Москва : Наука, 1963. 286 с.
7. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. Москва : Прогресс, 1987. 368 с.
8. Генон Рене. Метафизика и философия // Очерки о традиции и метафизике. Москва : АЗБУКА, 2000. 320 с.
9. Дугин А. Г. Пути Абсолюта // Абсолютная Родина. Москва : Арктогея-центр, 1989. С. 5-161.
10. Дюгем П. Физическая теория. Ее цель и строение / Пер. с фр. ; предисл. Э. Маха. Изд. 2-е, стереотипное. Москва : КомКнига, 2007. 328 с.
11. Захаров В. Д. От философии физики к идее Бога. Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. 240 с.
12. Захаров В. Д. Проблема реальности в квантовой механике: философский и религиозный подходы // Метафизика (научный журнал). 2017. № 1 (23). С. 53-73.
13. Карпов А. В. Метасистемный подход к исследованию системомогенетических закономерностей : материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Системогенез учебной и профессиональной деятельности». Ярославль : Канцлер, 2007. 312 с.
14. Мазилев А. В. Методология психологии. Ярославль : МАПН, 2007. 344 с.
15. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Введение в философию. Москва : Лабиринт, 1996. 432 с.
16. Менский М. Б. Сознание и квантовая механика. Фрязино : Век-2, 2005. 320 с.
17. Миракян А. И. Обсуждение идеи концепции трансцендентальной психологии (1981) // Р. М. Нагдян. Методология трансцендентальной психологии. Ереван : Издательский дом Лусабац, 2018. С. 344-362.
18. Миракян А. И. Психология пространственно-го восприятия. Ереван : Айастан, 1990. 206 с.
19. Миракян А. И. Афизикальные принципы психического отражения и их моделирование // Принципы порождающего процесса восприятия : коллективная монография / под ред. А. И. Миракяна. Москва : Изд-во ПИ РАО, 1992. С. 9-46.
20. Миракян А. И. Контуры трансцендентальной психологии. Книга 1. Москва : ИП РАН, 1999. 208 с.
21. Миракян А. И. Контуры трансцендентальной психологии. Книга 2. Москва : ИП РАН, 2004. 405 с.
22. Нагдян Р. М. Принцип симметрии в психологии. Ереван : Зангак-97, 2005. 116 с.
23. Нагдян Р. М. Некоторые проблемы современной физики в контексте афизикального подхода А. И. Миракяна // А. И. Миракян и современная психология восприятия : сборник материалов научной конференции. Москва : УРАО «Психологический институт»; Обнинск СГ – СОЦИАН, 2010. С. 368-383.
24. Нагдян Р. М. Загадка психики: трансцендентальная психология и метафизика. Ереван : Издательский дом «Лусабац», 2017. 424 с.
25. Нагдян Р. М. Методология трансцендентальной психологии. Ереван : Издательский дом «Лусабац», 2018. 424 с.
26. Нагдян Р. М. Принцип симметрии в психологии и образовании. Ереван : Издательский дом «Лусабац», 2019. 268 с.
27. Нагдян Р. М. Психология восприятия в контексте типологии научной рациональности // Психология восприятия: трансцендентальный вектор разви-

тия : коллективная монография / под ред. Г. В. Шуковой. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. С. 67-112.

28. Пальчик М. Квантовая модель эволюции личности. Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 2007. 368 с.

29. Петренко В. Ф. Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли «объективная действительность»? Неоконченный спор Бора с Эйнштейном / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун // Известия Иркутского гос. университета. Серия «Психология». 2013. Т. 2. № 2. С. 62-82.

30. Петренко В. Ф. Классическая и квантовая физика на языке сознания и бессознательного – постнеклассическая рациональность / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 76-90.

31. Петренко В. Ф. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун. 2-е издание. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. 380 с.

32. Принципы порождающего процесса восприятия : коллективная монография / под ред. А. И. Миракяна. Москва : Изд-во ПИ РАО, 1992. 223 с.

33. Прыгин Г. С. Неклассическая психология: психология субъектной реальности. Набережные Челны : Изд-во НГПУ, 2018. 268 с.

34. Психология восприятия: трансцендентальный вектор развития : коллективная монография / под ред. Г. В. Шуковой. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. 384 с.

35. Севальников А. Ю. Интерпретации квантовой механики: в поисках новой онтологии. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 192 с.

36. Севальников А. Ю. Традиционная метафизика и квантовая механика // Метафизика (научный журнал). 2017. № 1 (23). С. 33-52.

37. Слободчиков В. И. Антропологический статус современного психологического знания // Известия Саратовского университета. Серия «Антропология образования. Психология развития». 2014. Т. 3. Вып. 3 (11). С. 224-228.

38. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура : коллективная монография / под ред. Л. П. Киященко, В. С. Степина. Санкт-Петербург : Мирь, 2009. С. 249-295.

39. Супрун А. П. Метапсихология: Релятивистская психология. Квантовая психология. Психология креативности / А. П. Супрун, Н. Г. Янова, К. А. Носов. Москва : Ленанд, 2018. 512 с.

40. Трансцендентальная психология. Хрестоматия : в 3-х т. Т. 1 / ред.-составитель Р. М. Нагдян. Ереван : Издательский дом «Лусабац», 2019а. 424 с.

41. Трансцендентальная психология. Хрестоматия : в 3-х т. Т. 3 / ред.-составитель Р. М. Нагдян. Ереван : Издательский дом «Лусабац», 2019б. 424 с.

42. Юнг К. Г. Психология и алхимия. Москва ; Киев : АСТ-ЛСТД. 437 с.

43. Lenk H. Interpretation und Reakit. Fr. am Main. 1995.

Reference list

1. «A. I. Mirakjan i sovremennaja psihologija vosprijatija» = «A. I. Mirakyan and the modern psychology of perception»: sbornik materialov nauchnoj konferencii. Moskva : URAO «Psihologicheskij institut»; Obninsk SG – SOCIAN, 2010. 580 s.

2. Antologija mirovoj filosofii = Anthology of world pilosophy : v 4 t. T 1. Ch. 1. Moskva : Mysl', 1969. 576 s.

3. Aristotel'. Ob istolkovanii = On interpretation // Sochinenija : v 4 t. Moskva : Nauka, 1978. T. 2. S. 112.

4. Vladimirov Ju. S. Mezhdz fizikoj i metafizikoj = Between physics and metaphysics. Kn. 1. Moskva : Knizhnyj dom «Librokom», 2009. 380 s.

5. Gegeľ G. Nauka logiki = Science of logic : v 3-h t. T. 3. Moskva : Mysl', 1972. 371 s.

6. Gejzenberg V. Fizika i filosofija = Physics and philosophy. Moskva : Nauka, 1963. 286 s.

7. Gejzenberg V. Shagi za gorizont = Steps beyond the horizon. Moskva : Progress, 1987. 368 s.

8. Genon Rene. Metafizika i filosofija = Metaphysics and philosophy // Oчерki o tradicii i metafizike. Moskva : AZBUKA, 2000. 320 s.

9. Dugin A. G. Puti Absoljuta = Paths of Absolute // Absoljutnaja Rodina. Moskva : Arktogeja-centr, 1989. S. 5-161.

10. Djugem P. Fizicheskaja teorija. Ee cel' i stroenie = Physical theory. Its purpose and structure / per. s fr. ; predisl. Je. Maha. Izd. 2-e, stereotipnoe. Moskva : KomKniga, 2007. 328 s.

11. Zaharov V. D. Ot filosofii fiziki k idee Boga = From the philosophy of physics to the idea of God. Moskva : Izd-vo LKI, 2010. 240 s.

12. Zaharov V. D. Problema real'nosti v kvantovoj mehanike: filosofskij i religioznyj podhody = The problem of reality in quantum mechanics: philosophical and religious approaches // Metafizika (nauchnyj zhurnal). 2017. № 1 (23). S. 53-73.

13. Karpov A. V. Metasistemnyj podhod k issledovaniju sistemomogeneticheskikh zakonomernostej = Meta-system approach to the study of systemomogenetic patterns : materialy III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Sistemogenez uchebnoj i professional'noj dejatel'nosti». Jaroslavl' : Kancler, 2007. 312 s.

14. Mazilov A. V. Metodologija psihologii = Psychology methodology. Jaroslavl' : MAPN, 2007. 344 s.

15. Mamardashvili M. K. Neobhodimost' sebja. Vvedenie v filosofiju = Necessity of oneself. Introduction to philosophy. Moskva : Labirint, 1996. 432 s.

16. Menskij M. B. Soznanie i kvantovaja mehanika = Consciousness and quantum mechanics. Frjazino : Vek-2, 2005. 320 s.

17. Mirakjan A. I. Obsuzhdenie idei koncepcii transcendentnoj psihologii (1981) = Discussion of the idea of the concept of transcendental psychology (1981) // R. M. Nagdjan. Metodologija transcendentnoj psihologii. Erevan : Izdatel'skij dom Lusabac, 2018. S. 344-362.

18. Mirakjan A. I. Psihologija prostranstvennogo vosprijatija = Psychology of spatial perception. Erevan : Ajastan, 1990. 206 s.

19. Mirakjan A. I. Afizikal'nye principy psihicheskogo otrazhenija i ih modelirovanie = Aphysical principles of mental reflection and their modeling // Principy porozhdajushhego processa vosprijatija : kollektivnaja monografija / pod red. A. I. Mirakjana. Moskva : Izd-vo PI RAO, 1992. S. 9-46.
20. Mirakjan A. I. Kontury transcendental'noj psihologii = Outlines of transcendental psychology. Kniga 1. Moskva : IP RAN, 1999. 208 s.
21. Mirakjan A. I. Kontury transcendental'noj psihologii = Outlines of transcendental psychology. Kniga 2. Moskva : IP RAN, 2004. 405 s.
22. Nagdjan R. M. Princip simmetrii v psihologii = The principle of symmetry in psychology. Erevan : Zangak-97, 2005. 116 s.
23. Nagdjan R. M. Nekotorye problemy sovremennoj fiziki v kontekste afizikal'nogo podhoda A. I. Mirakjana = Some problems of modern physics in the context of the aphysical approach of A. I. Mirakjan // A. I. Mirakjan i sovremennaja psihologija vosprijatija : sbornik materialov nauchnoj konferencii. Moskva : URAO «Psihologicheskij institut»; Obninsk SG – SOCIAN, 2010. S. 368-383.
24. Nagdjan R. M. Zagadka psihiki: transcendental'naja psihologija i metafizika = The mystery of psyche: transcendental psychology and metaphysics. Erevan : Izdatel'skij dom «Lusabac», 2017. 424 s.
25. Nagdjan R. M. Metodologija transcendental'noj psihologii = Transcendental psychology methodology. Erevan : Izdatel'skij dom «Lusabac», 2018. 424 s.
26. Nagdjan R. M. Princip simmetrii v psihologii i obrazovanii = The principle of symmetry in psychology and education. Erevan : Izdatel'skij dom «Lusabac», 2019. 268 s.
27. Nagdjan R. M. Psihologija vosprijatija v kontekste tipologii nauchnoj racional'nosti = Psychology of perception in the context of typology of scientific rationality // Psihologija vosprijatija: transcendental'nyj vektor razvitija : kollektivnaja monografija / pod red. G. V. Shukovoj. Moskva ; Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2020. S. 67-112.
28. Pal'chik M. Kvantovaja model' jevoljucii lichnosti = Quantum model of personality evolution. Novosibirsk : Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007. 368 s.
29. Petrenko V. F. Chelovek v predmetnom i mental'nom mire. Sushhestvuet li «objektivnaja dejstvitel'nost'»? Neokonchennyj spor Bora s Jejnshtejnom = Man in the subject and mental world. Is there «objective reality»? Bora's unfinished dispute with Einstein / V. F. Petrenko, A. P. Suprun // Izvestija Irkutskogo gos. universiteta. Serija «Psihologija». 2013. T. 2. № 2. S. 62-82.
30. Petrenko V. F. Klassicheskaja i kvantovaja fizika na jazyke soznaniya i bessoznatel'nogo – postneklassicheskaja racional'nost' = Classical and quantum physics in the language of consciousness and unconscious – post-non-classical rationality / V. F. Petrenko, A. P. Suprun // Voprosy filosofii. 2014. № 9. S. 76-90.
31. Petrenko V. F. Metodologicheskie peresechenija psihosemantiki soznaniya i kvantovoj fiziki = Methodological intersections of psychosemantics of consciousness and quantum physics / V. F. Petrenko, A. P. Suprun. 2-e izdanie. Moskva ; Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2017. 380 s.
32. Principy porozhdajushhego processa vosprijatija = Principles of the generating process of perception : kollektivnaja monografija / pod red. A. I. Mirakjana. Moskva : Izd-vo PI RAO, 1992. 223 s.
33. Prygin G. S. Neklassicheskaja psihologija: psihologija sub#ektivnoj real'nosti = Non-classical psychology: psychology of subjective reality. Naberezhnye Chelny : Izd-vo NGPU, 2018. 268 s.
34. Psihologija vosprijatija: transcendental'nyj vektor razvitija = Psychology of perception: transcendental vector of development : kollektivnaja monografija / pod red. G. V. Shukovoj. Moskva ; Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2020. 384 s.
35. Seval'nikov A. Ju. Interpretacii kvantovoj mehaniki: v poiskah novoj ontologii = Interpretations of quantum mechanics: in search of a new ontology. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009. 192 s.
36. Seval'nikov A. Ju. Tradicionnaja metafizika i kvantovaja mehanika = Traditional metaphysics and quantum mechanics // Metafizika (nauchnyj zhurnal). 2017. № 1 (23). S. 33-52.
37. Slobodchikov V. I. Antropologicheskij status sovremenogo psihologicheskogo znaniya = Anthropological status of modern psychological knowledge // Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija «Antropologija obrazovanija. Psihologija razvitija». 2014. T. 3. Vyp. 3 (11). S. 224-228.
38. Stepin V. S. Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlichenija = Classics, non-classics, post-classics: criteria for distinction // Postneklassika: filosofija, nauka, kul'tura : kollektivnaja monografija / pod red. L. P. Kijashhenko, V. S. Stepina. Sankt-Peterburg : Mir#, 2009. S. 249-295.
39. Suprun A. P., Janova N. G., Nosov K. A. Metapsihologija: Reljativistskaja psihologija. Kvantovaja psihologija. Psihologija kreativnosti = Metapsychology: Relativistic psychology. Quantum psychology. The psychology of creativity. Moskva : Lenand, 2018. 512 s.
40. Transcendental'naja psihologija. Hrestomatija = Transcendental psychology. Anthology: v 3-h t. T. 1 / red.-sostavitel' R. M. Nagdjan. Erevan : Izdatel'skij dom «Lusabac», 2019a. 424 s.
41. Transcendental'naja psihologija. Hrestomatija = Transcendental psychology. Anthology: v 3-h t. T. 3 / red.-sostavitel' R. M. Nagdjan. Erevan : Izdatel'skij dom «Lusabac», 2019b. 424 s.
42. Jung K. G. Psihologija i alhimija = Psychology and alchemy. Moskva ; Kiev : AST-LSTD. 437 s.
43. Lenk H. Interpretation und Reakit. Fr. am Main. 1995.